№ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
2000

«НАУКА»

© 2000 *ДЫБО В.А.*

ВЛАДИСЛАВ МАРКОВИЧ ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ КАК КОМПАРАТИВИСТ*

12 сентября 1999 г. исполнилось бы 65 лет В.М. Иллич-Свитычу (1934 –1966), замечательному ученому, которого по праву можно считать крупнейшим лингвистом-компаративистом XX столетия. В краткой статье, конечно, невозможно даже бегло обозреть результаты его научной работы в области сравнительно-исторического языкознания, которая была трагически прервана, когда ему не исполнилось и 32 лет. Ещё труднее показать значимость их для компаративистики в настоящее время, когда результаты его исследований, идеи и методы, выдвинутые им или непосредственно связанные с результатами его исследований, всё в большей степени пробивают себе путь в мировой компаративистике, на наших глазах меняя фактически её научную парадигму. Поэтому я коснусь лишь очень кратко двух направлений, в которых Владиславом Марковичем были получены самые значительные результаты. Это балто-славянская сравнительно-историческая акцентология (или, точнее, индоевропейская акцентология, так как результаты его исследований ввели балтославянский материал в индоевропеистику как равноправный и послужили толчком к глобальному пересмотру индоевропейской просодии) и проблема отдалённого родства языковых семей – в этом направлении им было осуществлено построение сравнительной грамматики ностратических языковых семей (семито-хамитской, картвельской, индоевропейской, уральской, алтайской и дравидийской).

В монографии «Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм» (М., 1963) В.М. Иллич-Свитыч доказал генетическое тождество балтийской и славянской именной акцентуации с индоевропейской акцентуацией имени, реконструируемой на основании показаний древнеиндийского, греческого и германских языков, и сформулировал правила их соответствия. Эта работа определила дальнейшее направление исследований по балтийской и славянской акцентологии, доведя степень достоверности выводов в данной отрасли компаративистики до степени достоверности,

---

* Дыбо Владимир Антонович — д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, академик РАЕН, зав. кафедрой славянского языкознания ФТиПЛ РГГУ.

Вариант этой статьи опубликован в Вестнике Московского университета. Серия 9. Филология. 6, 1996. С. 56-78.

достигнутой сравнительно-исторической сегментной фонетикой. Непосредственно в области балтославянского сравнения эта работа, установив тождество праславянской а.п. *b* литовской 2 а.п., подтвердила выдвинутое незадолго перед этим предположение о дополнительном распределении двух славянских акцентных парадигм: а.п. *a* и а.п. *b*. Одновременно она поставила перед акцентологией проблему того явления, которое позднее было названо «архаизмом Иллич-Свитыча», или а.п. *d*. В отличие от бывших имен среднего рода неподвижного акцентного типа, которые в славянском регулярно давали имена мужского рода а.п. *b*, а в литовском – имена мужского рода 2 а.п., старые имена мужского рода неподвижного акцентного типа в славянском, как правило, давали а.п. *c*, а в литовском обнаруживали по диалектам колебания между 2 и 4 а.п. Лишь в двух небольших диалектных областях (чакавские диалекты северо-восточной Истрии и о. Суска и галицкий украинский диалект в основном по материалам, опубликованным Ганушем [1]) В.М. Иллич-Свитычем были обнаружены следы особой смешанной акцентной парадигмы, которая по основным своим параметрам была близка к а.п. *b*. Указав на периферийный характер диалектов, В.М. Иллич-Свитыч выдвинул предположение о том, что именно эта смешанная парадигма была первичным рефлексом старого неподвижного типа *o*-основ мужского рода. В настоящее время это положение подтверждено новыми материалами всех трёх славянских языковых групп, а тип рефлексации а.п. *d* в славянских диалектах является одним из признаков праславянского диалектного членения.

В.М. Иллич-Свитыч явился фактическим создателем новой отрасли языкознания – сравнительной грамматики ностратических языков (основной труд: «Опыт сравнения ностратических языков». [т. I, II, III.], М., 1971, 1976, 1984. Далее - Опыт). Проблема отдалённого родства ряда языковых семей Старого Света: индоевропейской, семито-хамитской (афразийской), картвельской, уральской, алтайской и дравидийской, – занимала многих исследователей. Да и сама идея глобального сравнения нескольких языковых семей была выдвинута ещё в 1903 г. Х. Педерсеном. И всё же заслуга создания сравнительной грамматики ностратических языков принадлежит В.М. Иллич-Свитычу. Дело даже не в количестве материала, который он учёл (этот материал был значителен и до него и всё время увеличивается) и не в подробностях и точности разработки сравнений (в этом плане В.М. Иллич-Свитыч, конечно, создал нечто уникальное, но и эта точность и детализация уже становятся недостаточными и, безусловно, будут значительно превзойдены в ближайшем будущем). Заслуга В.М. Иллич-Свитыча заключается прежде всего в том, что ему удалось обнаружить в сравниваемом ностратическом материале ряд нетривиальных соответствий, то есть таких, проявление которых в одной языковой семье объясняется лишь в результате извлечения информации о характере их окружения в этимологически связанных рядах морфем в других родственных семьях. Так расщепление индоевропейских гуттуральных (*k*-образных фонем) на три ряда (велярные – *k, g, gh*; лабиовелярные – k^w, g^w, g^wh; палатальные – *k̂, ĝ, ĝh*) получает объяснение в результате их дополнительного распределения по отношению к уральскому или алтайскому вокализму, лучше отражающему общеностратический вокализм [2]. Можно привести ещё множество такого рода соответствий. Именно такие соответствия являются основой любой сравнительно-исторической грамматики, решающим аргументом её необходимости. Не случайно тезисы доклада В.М. Иллич-Свитыча о генезисе индоевропейских рядов гуттуральных получили восторженную оценку Б. Коллиндера, который писал: «Исследование Иллич-Свитыча ... означает решающий успех в области индоевропейско-урало-алтайского языкового сравнения .... Могут возразить, что число опорных этимологических сопоставлений недостаточно для того, чтобы они имели полную доказательную силу. Но в ответ скептикам мы можем воскликнуть вместе с Орестом: "Советую тебе: не слишком люби солнце и звёзды; спустись вслед за мною в тёмное царство"» [3].

Важность этой работы В.М. Иллич-Свитыча для сравнительно-исторического языкознания в целом трудно переоценить. В предисловии к своему труду «Опыт сравнения ностратических языков» автор писал: «в... передовых областях компаративистики ... в последнее время обнаружилась определённая переоценка возможностей метода внутренней реконструкции, применение которого без жесткого контроля внешнего сравнения приводит к построению многочисленных одинаково вероятных и в равной степени произвольных протосистем. Подобная ситуация диктует необходимость выхода за рамки одной какой-либо семьи. Лишь внешнее сравнение обеспечивает соответствующий контроль и позволяет выбрать единственный максимально приближающийся к реальности вариант исторической реконструкции из многих принципиально возможных. В этом смысле само существование «ностратического языкознания» оправдывается тем, что оно призвано не только использовать достижения индоевропеистики, уралистики, алтаистики и т.д., но и само должно во многом способствовать развитию этих разделов компаративистики, так же как, например, индоевропеистика способствует развитию германистики, славистики. иранистики» (т. I, с. 2).

Такая постановка задачи вытекала из того, что ностратическая теория не является по преимуществу концепцией, основная цель которой доказать родство шести больших языковых семей Старого света. В сущности такое доказательство было приведено В.М. Иллич-Свитычем в его первых («предварительных») публикациях: 1. «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков»; 2. «Соответствия смычных в ностратических языках»; 3. «Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения»; 4. «Реконструкция уральского вокализма в свете данных внешнего сравнения».

Но важно, что даже первые исследования В.М. Иллич-Свитыча, посвященные собственно доказательству отдаленного родства указанных семей, спровоцировали его к «вторжению» в сравнительно-исторические грамматики этих семей. Это вызывалось необходимостью выбора между альтернативными решениями, предлагавшимися в рамках этих сравнительно-исторических грамматик, даже в тех случаях, если эти альтернативы более поздними исследователями были отклонены или не учитывались. Так было в случае с алтайским языкознанием, когда внешние соответствия потребовали возвращения к концепции З. Гомбоца в области алтайского консонантизма [4] и после тщательно проведённого внутриалтайского сравнения – к реконструкции трех рядов смычных. З. Гомбоц восстанавливал в алтайском троичное противопоставление дентальных: **t-* (тюрк. **t-*, монг. **t-*, тунг. **t*) –**d-* (тюрк. **t-*, монг. **d-*, тунг. **d-*) – **δ-* (тюрк. **j-*, монг. **d-*, тунг. **d-*). Эта концепция, которую в начале принимал и Н.Н. Поппе [5], в дальнейшем была отклонена, точнее, молчаливо забыта, так как фактически никакого строгого анализа сопоставлений З. Гомбоца не было проведено. Этому в значительной степени способствовало, по-видимому, то, что ни в одной группе алтайских языков не находили отражения постулируемого троичного противопоставления дентальных[1]: и З. Гомбоц и Н.Н. Поппе специально подчеркивали, что огузский *d-*, возникший, по их мнению, вторично из тюрк. **t-*, не имеет непосредственной связи с алт. **d-*[2]. Исследуя алтайские соответствия ностратическим языкам с тремя рядами смычных В.М. Иллич-Свитыч столкнулся со следующим распределением:

---

[1] Следует заметить, что хотя подобная ситуация складывается в сравнительном языкознании не редко (ср. три ряда гуттуральных в индоевропейском или три ряда сибилянтных спирантов и аффрикат в картвельском), однако она как правило вызывает сомнение у компаративистов и повторяющиеся попытки доказать вторичность «дополнительного» члена.

[2] Характерно, что связь огузского *d-* с алт. **d-* впервые была замечена сторонником языкового моногенеза А. Тромбетти в его разборе примеров З.Гомбоца ([6]).

Ностр. *ṭ-*

1. алт. **t'apʌ-* 'ощупывать, смазывать' (эвенк. *tapara* 'пачкаться', *tapka-* 'запачкать'; сред.-уйгур. *tap* 'пятно', *tapča* 'грязь'): и.-е. *tep-* 'смазывать, макать' (арм. *ťałavem* 'макаю', лит. *tepti* 'смазывать'), с.-х. **ṭp-* 'обмазывать, пачкать' (араб. *ṭufāl* 'сухая глина', др.-евр. *ṭpl* 'пачкать', евр.-арам. *ṭpl* 'обмазывать'; беджа *ḍif* 'красить', хауса *ta'ba* 'касаться');

2. алт. * *t'ä* или * *t'e* 'этот, тот' (нанайск. *täi* 'этот', могол. *te* 'тот', монг. *tere* 'тот'): и.-е. **to-* 'этот' (др.-инд. nom.-acc. sg. n. *tad*, acc. sg. m. *tam*, acc. sg. f. *tām*, греч. *τό*, *τόν*, *τήν*);

3. алт. * *t'apa-* 'попадать, находить, отгадывать' (эвенк. *tawa-* 'попадать, зацепиться', монг. *taya-* 'отгадывать', туркм. *tap-* 'находить, отгадывать'): и.-е. **top-* 'попадать куда-либо, назначенное место, отгадывать' (греч. *τόπος* 'место', *τοπάζω* 'отгадываю', лтш. *tapt* 'становиться, случаться, попадать куда-л.');

4. алт. * *t'āl* или * *t'ēl* 'молодое животное – подсосок, сосущее, кроме матери, у другой самки' (монг. *tel*, кирг. *tel*, якут. *tīl*): и.-е. **teHl-* 'молодое животное, растение' (греч. *τῆλις* f. 'созревшая девушка, невеста', ион. *τῆλις* f. 'росток стручковых', лат. *tālia* 'стручок'); с.-х. *ṭl* 'рождать, молодое животное' (араб. *ṭall* 'детеныш овцы, козы, газели и т.п.', др.-евр. *ṭāleḥ* 'ягненок', галла *ḍal* 'рождать'; чад.: муби *'dāl* 'класть яйца');

5. алт. * *t'any-* 'знать, узнавать' (монг. *tani-*, туркм. *tany-*): и.-е. **tong-*, **tenk-* 'знать, узнавать, замечать' (лат. *tongeō* 'знаю', др.-исл. *þekkja* 'замечать, понимать, знать', лтш. курон. *teñcināt* 'выспрашивать');

6. алт. * *t'ür* 'быстрый, быстро двигаться' (эвенк. *turgän* 'быстрый', монг. *tür* 'быстро, сразу', уйгур. *türčä* 'быстро, сразу'): и.-е. **tu̯er-* 'быстрый, быстро двигаться' (др.-инд. *tváratē* 'спешит', *turá-* 'быстрый', др.-исл. *þyrja* 'бежать, мчаться');

7. алт. * *t'ʌ* 'ты', косв. * *t'yn-* (монг. *či*, gen. *činu*, могол. *či*, *činai*): и.-е. **tū*, косв. падежи **te-* 'ты' (лат. *tū*, dat. *tibi*, ст.-слав. ТЫ, acc. ТѢ);

8. алт. * *t'i-* 'вошь' (эвенк. *tilä-* 'искать вшей', ульч. *tiktä* 'вошь'): картв. **ṭiz-* 'вошь' (груз. *ṭil-*, сван. *ṭiš*);

9. алт. * *t'anu-* 'тянуть, натягивать' (эвенк. *tān-* 'вытягивать, натягивать', удейск. *tan-* 'стянуть, тащить', монг. *tanu-* 'затягивать узел'): и.-е. **ten-*, **tend-* 'натягивать, тянуть' (др.-инд. *tanóti*, лат. *tendō*);

10. алт. * *t'anʌ-* 'рубить, резать' (монг. *tanu-* 'обрубать', маньчж. *tanta-* 'бить, колотить'): и.-е. **ten-* 'рубить, бить' (лит. *tìnti*, *tinù* 'острить косу', словен. *tę́ti*, *tnèm* 'колоть, рубить');

11. алт. */ *t'/äp/p'-* 'гореть' (маньчж. *tefe-*): с.-х. *ṭp-* (||*dp*), картв. *ṭap-/ṭab-* (грузин. *tb-* 'греть(ся), др.-грузин. *dga da ṭpeboda* 'стоял и грелся'; мегрел. *ṭab-*, *ṭib-*; чан. *ṭub-*, *ṭib-*; сван. *ṭb-id-*; грузин. *ṭbil-* 'тёплый'; мегрел. *ṭabu-*, *ṭibu*, чан. *ṭibu-*, *ṭubu-*; сван. *ṭebid-*, *ṭebedi-*, *ṭebdi-* 'тёплый'), и.-е. *tep-* ;

12. алт. * *t'ülä* (монг. *tüle-* 'зажигать огонь, растапливать печь', монгор. *tuliē-* 'жечь'): картв. *ṭwar-* (сван. *ṭwr-* 'зажигать свечку');

13. алт. * *t'orʌ* 'пыль, земля' (туркм. *tōz* 'пыль', эвенк. *tur* 'земля'): картв. *m-ṭwer/l-* 'пыль, пылинка' (грузин. *mṭwer-* 'пыль, пылинка'; мегрел. *ṭwer-*, чан. *mṭwer-* 'пыль, зола'; сван. *ṭwi-* 'земля' < **ṭwil*);

14. алт. * *t'āla* 'равнина, плоский' (эвенк. *tallama* 'равнина', монг. *tala* 'равнина', др.-тюрк. *tala* 'степь'); и.-е. *telH-* 'плоское место, плоский' (др.-инд. *talam* 'равнина, подошва', греч. *τηλί* 'доска', лит. *tìltas* 'мост');

15. алт. * *t'örä-* 'рождать' (монг. *töre-* 'рождать', др.-уйг. *tōrü-* 'рождаться, возникать'): и.-е. *tu̯er-* (слав. *tvoriti*, балт. *turėti* 'иметь').

Ностр. *t-*

1. алт. **däg(ʌ)-* 'трогать, касаться' (азерб. *däj-*, туркм. *deg-*, тув. *deg-*, монг. *dege-* 'зацепляться')Т и.-е. *deg-* 'трогать' (гот. *tēkan*);

2. алт. **deĺ-* 'раскалывать, дырявить' (эвенк. *delki-* 'раскалывать', монг. *delberkei* 'трещина, расколотый', турецк. *deš-*, азерб. *deš-* 'дырявить, прокалывать'): с.-х. *tl-* 'тесать, протыкать' (беджа *tela'* 'протыкать', чад.: марги *tlù/tlá* 'тесать', *tlà* 'резать'), картв. *tal-* 'тесать, строгать' (груз. *tl-/tal-*, мегрел. *tol-*), и.-е. *del-* 'обтёсывать, расщеплять' (др.-инд. *dāláyati* 'расщепляет', греч. *δαίδαλος* 'искусственно обработанный', лат. *dolō* 'обтёсываю');

3. алт. **daβl-* 'ветер, пар' (туркм. *davīl* непогода', эвенк. *daw-* 'попасть под дождь': картв. [*tūr-*];

4. алт. **däl-* 'растягивать'; **täl*ʌ 'растянутый, широкий' (монг. *delge-* 'раскладывать, развертывать, расстилать', *delger* 'полный, обильный, обширный, широкий'; орочк. *dele* 'открытое место', маньчжур. *deleǰen* 'пустырь, открытое место', *delfin* 'широкий, просторный – об одежде'): с.-х. *tlḥ* 'длинный' (семит.: араб. *tlḥ* 'быть длинным', *taliḥ* 'длинная – о шее'), и.-е. *delH-* (др.-инд. *dīrghás* 'длинный', ц.-слав. дьлити 'удлинять');

5. алт. **dē-* 'сказать' (азерб. *de-*, туркм. *dī-*, якут. *diä-*): картв. *tx-ew-* (грузин. *txow-* 'просить, жениться'; мегрел. *tx(w)-*; чан. *tx(w)-*), и.-е. */d/eĥ-* (др.-хетт. praes. 1.sg. *te-e-mi*, сред.-хетт. praet. 3sg. *te-e-it* 'торжественно заявлять; говорить, вещать'; слав. inf. **dĕti*, 1.sg. praes. **dĕmь* 'говорю': др.-русск. дѣеши (Ип.л. 6658 г.), дѣкть, дѣемъ , дѣжть (Изб. 1073г.), ст.-слав. praes. 2.sg. деши (Супр. 303_{23}), дѣкши ли (Супр. 402_{3}), дѣѣши (Супр. 306_{29}), схрв. диал. *dīti*, 1.sg. praes. *dîm* 'говорить' [RJA II, 454–455], чак. [Раб] praes. 1.sg. *dîn*, 2.pl. *dîste*, ст.-хорв. praes.1.sg. Дȇм, 2.sg. дȇш, 3.sg. дȇ [Гр. 119], чеш. *díti*, praes. *dím, dí*, ст.-чеш. *dieti, diem* 'говорить, сказать', др.-польск. *dzie* 'inquit');

6. алт. **dala-* 'махать, порхать' (ср.-монг. *dala-* 'махать', ср.-тюрк. Кашгари *talbun-* 'порхать', тув. *dalbaj-* 'расправляться – о крыльях'): с.-х. *tl-* 'качать, трясти, свисать' (араб. *tltl* 'трясти, качать', др.-евр. *tăltălīm* pl. 'локоны'), и.-е. *del-* 'шататься, качаться, свисать' (др.-инд. *dulā́* f. 'качающаяся', др.-исл. *tolla-* 'свисать качаясь');

7. алт. **dā-* 'давать, передаваться' (эвенк. *dā-* 'передать мясо медведя родственникам', *dāw-* 'передаваться – о болезни', кор. *tāgo-* 'дай мне'; см. SKE 247-248): и.-е. *deh*^{u}- 'давать' (греч. *δίδωμι* 'даю', лит. *dúoti* 'давать');

8. алт. **daĺy-* 'тащить, переносить' (туркм. *dašy-* 'переносить, перевозить', тувин. *dažy-* 'тащить'): картв. *tar-/ter-* 'тащить' (грузин. *tr-/ter-* 'тащить'; мегрел. *(n)tər-, (n)tir-*; чан. *tir-, tor-, tur-*; сван. *tr-/tir-*).

Ностр. *d-*

1. алт. **δuli-* 'греть, теплый' (тюрк. **jyly-*, **jyly-γ*: тувин. *čylyg*, карагас. *ćeleg* 'тёплый', якут. *sylyj-* 'согреваться', др.-уйгур. *jyly-* 'согреться – о воде', *jylyγ* 'тёплый'; монг. **dula-gan* 'тёплый': монг. письм. *dulaǵan*, калмыцк. *dulān*. Тунг.: эвенкийск. *dulil* 'пригревать'; эвен. *dul-* 'греть (о солнце)', *dulan* 'тёплый'): с.-х. *dlḳ* 'жечь, гореть' (др.-еврейск. *dlḳ*, арамейск. *dlḳ*);

2. алт. **δüŋä-* 'сидеть спокойно, молчать' (монг. письм. *düŋ-sü- ji*, халха *dúŋsij-*, калмыцк. *düŋgé-* 'молчать, быть задумчивым' < **düŋge-ji-*; тунг.: нанайск. *duŋgum* 'смирно, не шевелясь', : с.-х. *d(w)m* 'быть спокойным, молчать' (семит. **dwm* (и вторичное *dm-*): араб. *dwm*, impf. *-dūmu* 'длиться, не изменяться, быть спокойным'; юж.-араб. (сокотри) *deme* 'спать'; еврейско-арамейск. *dmk* 'спать', мандейск. *dwm/dmm* 'быть спокойным'; угарит. *dm* 'пребывать, оставаться' ← 'спокойно стоять', др.-еврейск. *dūmā́* 'молчание', *dmm* 'застыть (в испуге), молчать, вести себя тихо'; кушит. 'молчать': беджа *dum, dim*; куара *zem j-*, кемант *zĭm j-* (конструкция с вспомогательным глаголом, ср. кемант *zimī* 'тишина); сидамо *sammi j-*); картв. *dum-* (грузин. *dum-* 'молчать');

3. алт. *δā 'тоже, же, и' (тюрк.: тувин., карагас. *-dā/-tā,* якут. *da,* др.-уйгур. *-da/-dä* и *-ta/-tä,* туркм. *-da/-de*; монг. письм. *-da/-de,* халха *dā/dē,* ; тунг.: нанайск. *da,* эвен. *dā*; корейск. *-to/-do*): с.-х. *d(H)* 'тоже' (бербер.: др.-ливийск. *d* 'и, вместе с', туарег., шельха и др. *d* 'и, вместе с' (ср. шельха *tamġart d- urgaz* 'жена и муж'); кушит.: беджа *-t,* билин, дембья, каура *-dī* 'вместе с' (постпозиция); сомали *-dā,* усилительная частица; чад.: ангас *da* 'тоже'); картв. соединит. союз: грузин. *da* 'и', чан., мегрел. *do* 'и'; и.-е.: слав. *da,* соединит. и усилит. частица (ст.-слав. да, схрв. *dȁ* 'чтобы, да');

4. алт. *δaka/δaga 'близко, приближаться, следовать за кем-либо' (*δaka || тюрк.: др.-уйгур. *jaq-* 'приближаться', *jaqyn* 'близко', туркм. *jakȳn* 'близкий'; сред.-монг. *daqa-,* бурят. *daxa-* 'следовать (за кем-либо)' || *δaga- || тюрк. *jaγ(u)-, *jaγuk*: др.-тюрк. *jaγ-* 'приставать, передаваться', *jaγuq* 'близкий', тувин. *čōk* (< *jaγuk); др.-уйгур. (Кашгари) *jaγu-* 'приближаться', *jaγuk* 'близкий';туркм. *jovyk,* чуваш. *śyvâx* 'близко'; монг. письм. *daǵa-,* ордос., халха *daga-,* 'следовать (за кем-либо)'; тунг. *daga- 'близко': эвенк. *daga,* эвен. *dā-lī*): с.-х. *dḳ* 'близко' (кушит. *dḳ '(находиться) близко': беджа *deha* m. 'близость', билин *taγ-,* хамир *ṭaḳ-, tak-,* дембья, кемант *taj-,* куара *tē-,* авийа *tig-,* (Beke) *dig-* (авийа, дамот *digī* 'близкий'), сахо (Ироб) *ṛaj-,* (Ассаорта) *daj-,* афар *daj-,* сомали *ḍow,* галла *ḍih-* 'находиться близко'; шинаша (Beke) *ǯiqa* 'потом, впоследствии'; чад.: хауса (Кацина) *tak'ak'o* 'приближаться'; анкве, герка *duk,* логоне *ǯō(u),* маса *tog,* ? сомрай *dingal* 'близко'); исходно, вероятно, чад. *ḍk с ассимилятивным оглушением *d в хауса и маса);

5. алт. *δ/δ/iga- 'рыба' (сред.-монг. *ǯiǵasun,* монг. письм. *ǯiǵasun,* ордос. *ǯagus,* халха *ǯagăs,* калмыцк. *zaγăsn̥*): с.-х. *d(j)g* 'рыба' (угарит. *dg* coll. 'рыбы', др.-еврейск. m. *dāg̃,* f. *dāg̃ā*); и.-е. *dhĝh-u-H* 'рыба' (греч. *ἰχθῦς*);

6. алт. *δila 'солнце, солнечный год' (тюрк. *jyl 'год'← 'солнечный цикл': др.-тюрк., др.-уйгур. *jyl,* якут. *syl,* туркмен. *jyl*; эвенк. *dila-čā* 'солнце'; картв. *dila* 'утро' (грузин. *dila* 'утро'); и.-е. *dhel-* 'солнце, светлый' (армян. *dełin* 'желтый, бледный'; албан. гег. *dìell, dill* m. 'солнце'; сред.-ирланд. *dellrad* 'блеск'; др.-исланд. *Dellingr* - отец бога дня, сред.-верх.-нем. *ge-telle* 'красивый, милый');

7. алт. *δ/ā/lu-/δōli- 'волна' (монг. *dalai 'море': сред.-монг., монг. письм. *dalai,* халха *dalăi,* тунг.: нанайск., ульч. *dalan* 'наводнение'): с.-х. *dlḫ* 'волноваться, мутить' (семит. *dlḫ: тигринья *dlḫq* 'смешивать'; др.-еврейск. *dlḫ* 'волновать, мутить воду'; аккад. *dlḫ,* praet. *-dluḫ* 'волновать (воду); беспокоить, смущать', *dilḫu* 'грязь' ← 'муть'; бербер. *dələ̄ġ,* aor. *-ddələ̄ġ* 'быть взмученной – о воде'); и.-е. *dhelH-* с суфф. 'море' (греч. *θάλασσα,* аттич. *θάλαττα* f. 'море' < *$dh_e\bar{l}$-tia* < *dh_elH-*; македон. (Гесихий) *δαλάγχαν* acc. 'море');

8. алт. *δEbi 'махать, дуть' (монг. письм. *debi-,* халха *dewĕ-* 'веять зерно; махать (крыльями)'; эвен. *dāwū* 'вихрь, ураган, ветер', *dāwū-* 'виться, крутить'): и.-е. *dheuH-* 'колебать, сотрясать, дуть' (др.-инд. *dhŭ-nṓ-ti* 'сотрясает', part. *dhŭtás*; армян. *de-dev-im* 'качаюсь'; греч. *θύω,* aor. *ἔθυσα* 'дымлю, сжигаю жертву'; др.-исл. *dȳja* 'трясти'; схрв. *dȕti* 'дуть'; тохар. A *twe,* B *tweye* 'пыль'; и.-е. *dheuH- 'колебать воздух' → 'дуть' и производные, в том числе широко представленное *dhuH-mo- 'дым').

Две группы соответствий хорошо согласовались с «классической» алтайской реконструкцией Рамстеда—Поппе (группы с начальными ностратическими *ṭ* и *d*). Но группа соответствий с ностратическим *t* явно указывала на алтайский материал, объединяемый рядом алт. *d- (тюрк. *t-, монг. *d-, тунг. *d-) З. Гомбоца. Замечательным образом именно в этой группе огузские соответствия довольно последовательно давали *d-*. Это побудило В.М. Иллич-Свитыча специально заняться проблемой огузских звонких. Заметим, что от решения этой проблемы ни ностратическое сравнение, ни алтайская реконструкция никак не зависит. Это довольно «чистый» случай, когда внешнее сравнение определило направление поиска в сравнительной фонетике одной из сравниваемых семей и привело к

важным результатам. Историческое исследование огузской дихотомии *t-* и *d-* показало её значительную древность (она отражена в Лейденской рукописи словаря 1245 г. и в материалах Ибн-Муханны начала XIV в.), она в значительной степени совпадает с аналогичной тувинско-карагасской дихотомией, наконец, исследуя заимствования из булгарского языка в венгерский и в пермский (не позднее VIII века), В.М. Иллич-Свитыч убедительно показал наличие в древности этой дихотомии и в булгарской группе. Это привело к необходимости реконструкции соответствующей дихотомии и для пратюркского, что было подтверждено и алтайским сравнением [7]. Аналогичное исследование было проведено В.М. Иллич-Свитычем и в области алтайских гуттуральных [8]. Эти результаты В.М. Иллич-Свитыча сейчас прочно вошли в алтаистику. И хотя сохраняются определенные неясности в области начального консонантизма, они относятся к разному пониманию позиций нейтрализации установленных В.М. Иллич-Свитычем противопоставлений.

Похожая ситуация сложилась и в уральском языкознании, где соперничали две концепции уральского вокализма: концепция Э. Итконена и концепция В. Штейница. Реконструкция Б. Коллиндера, в сущности, была вариантом реконструкции Э. Итконена, отличаясь от последней лишь трактовкой ряда соответствий, в которых Б. Коллиндер усматривал рефлексацию особой уральской фонемы *õ*. Проблема последнего ряда, как мы увидим в дальнейшем, будет занимать В.М. Иллич-Свитыча в ходе всей его работы над «Опытом сравнения ностратических языков». Внешнее сравнение явно подтвердило реконструкцию Э. Итконена, о чем В.М. Иллич-Свитыч сообщил в указанных выше кратких тезисах «Реконструкция уральского вокализма в свете данных внешнего сравнения» (Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV, Ижевск, 1967). К сожалению, 38 сближений на 7 фонем, представленные в этой статье, не могут в полной мере характеризовать ни степень доказательности проведённого сравнения, ни уровень его обработки. Чтобы хотя бы немного прояснить указанные моменты, отмечу только, что подготовительные материалы автора по уральскому вокализму содержат 260 урало-алтайско-дравидийских сближений, из них на гласный *а* – 50, *о* – 39, *u* – 35, *ä* – 20, *е* – 31, *i* – 33, *ü* – 18, случаев с осложнениями в рефлексации – 16. Исследователь, знакомый с материалами по уральскому вокализму, легко представит себе степень полноты такой проверки.

Такое «широкомасштабное» вторжение в компаративные грамматики сравниваемых семей уже на этапе доказательства родства было вызвано тем, что В.М. Иллич-Свитыч не сводил ностратическую теорию лишь к доказательству родства шести больших языковых семей Старого света, а ставил задачу построения сравнительно-исторического ностратического языкознания, сравнительно-исторической фонетики, морфологии и словообразования ностратических языков. Доказательство же родства языков данной макросемьи рассматривалось им как производное от решения этой основной задачи. Естественно, что построение ностратического сравнительно-исторического языкознания требовало тщательной проверки вводимых в сравнение материалов, проверки точности и надёжности реконструкций в каждой из вводимых в сравнение языковых семей.

Мне уже приходилось писать, что в этимологии каждой группы родственных языков существует тенденция превратить корпус предложенных этимологических решений в замкнутую систему, при помощи которой можно было бы решать все этимологические задачи, возникающие в процессе изучения языков этой группы. Такая тенденция вполне правомерна, и отказ от неё был бы равнозначен отказу от одного из основных принципов этимологизации. Однако при отсутствии жесткого контроля со стороны внешнего сравнения эта тенденция приводит к положению, при котором в компаративистиках с развитыми этимологиями корпус этимологических предложений оказывается перегруженным версиями с весьма незначительной степенью вероятности. Характерным приме-

ром является индоевропейская этимология, в которой мы встречаемся с весьма значительным и всё увеличивающимся количеством таких версий. Особенно это относится к массе корневых этимологий с недостаточными словообразовательными, грамматическими и семантическими мотивировками. Поэтому, например, для введения в ностратическое сравнение индоевропейского материала было совершенно недостаточным обращение к Словарю Ю. Покорного, а требовалась тщательная проверка и этимологическая переработка каждой соответствующей статьи. Обращение к «Опыту...» убеждает, что такая переработка в той или иной степени была В.М. Иллич-Свитычем произведена. На основании собственного опыта могу утверждать, что такая проверка и переработка для индоевропейского материала необходима не в меньшей степени, чем для любой другой из ностратических дочерних семей.

Как будто стремясь избежать ошибок и крайностей своих коллег-индоевропеистов, этимологи-уралисты как правило избегают корневых этимологий и рискованных в семантическом отношении сопоставлений. В тех же случаях, когда такие сопоставления в ходе сравнительно-исторического исследования появляются, они обычно не допускаются в «респектабельные» этимологические собрания. Этой строгостью, аккуратностью и умеренностью уральская этимология выгодно отличается от индоевропейской. Однако эта умеренность и аккуратность не уберегла уралистику от другой крайности.

Начиная с конца «золотого века» уралистики в ней наблюдается тенденция к упрощению общей картины уральской реконструкции, исключению из неё элементов, недостаточно мотивированных предшественниками, плохо укладывающихся в структурные схемы, зачастую без какого-либо более или менее тщательно проведенного сравнительно-исторического исследования. В уральской этимологии эта тенденция сопровождается стремлением к предельному отождествлению этимологической «картины» с «картиной» реконструкции. Чаще всего это выражается в отклонении того или иного сближения лишь из-за несоответствия его в одной какой-либо детали рефлексации сравнительно-фонетическому ожиданию, при том, что уральская фонетическая реконструкция ещё далеко не завершена. Богатую коллекцию таких сравнительно-фонетических пуризмов можно собрать в новом уральском этимологическом словаре Кароля Редеи (*Karoly Redei.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1989), где, например, сближение может быть отклонено из-за несоответствия в рядности.

В.М. Иллич-Свитыч с его значительным уже к началу шестидесятых годов опытом сравнительно-исторических и этимологических исследований в области славянских и индоевропейских языков быстро понял как сильные, так и слабые стороны уралистической традиции и определил тот уровень, до которого дошла собственно компаративистская процедура. В качестве основы для ностратического сравнения им была взята классическая финно-угорская реконструкция Э. Сетэлэ и его школы в максимальном объеме. Этот выбор свидетельствует о глубоком понимании автором тактики сравнительно-исторического исследования. Ибо как бы ни были красивы реконструкции, скоррелированные в структурном, фонологическом и типологическом планах, практик-компаративист нуждается в первую очередь в максимально расчленённой сетке рефлексаций, какую и давала классическая финно-угорская реконструкция.

Не следует думать, впрочем, что к принятию «классической» реконструкции В.М. Иллич-Свитыча побуждали исключительно «тактические» соображения. Чтобы дать некоторое представление о том, насколько подробно была проведена им «внешняя» и «внутренняя» проверка результатов классической компаративистской процедуры, приведу один пример. Вслед за Ю. Тойвоненом В.М. Иллич-Свитыч проводит проверку рефлексации аффрикат в саамском и по чисто внутренним соображениям останавливается на варианте с тремя рядами инлаутных аффрикат. В черновике сравнительной фо-

нетики ностратических языков он пишет: «Существование в той же позиции в саамском третьего рефлекса аффрикат – сибилянтов делает вероятным предположение, что здесь исходным было троичное противопоставление, аналогичное соответствующему противопоставлению у смычных (геминаты, простые аффрикаты и спирантизованные аффрикаты *$ć_j$ и *$č_j$)». И далее: «Восстановление для уральского на основании саамских данных троичного противопоставления аффрикат по характеру смычки в интервокальной позиции как будто подтверждается несколькими сравнениями:

Глоттальные аффрикаты	урал. *kićća* 'маленький'	~	картв. *kuć*
	урал. *koććʌ* 'плетеная корзина'	~	с.-х. *k̥(w)s̥*
Простые аффрикаты			
	урал. *ruććʌ* 'давить, разрушать'	~	с.-х. *rs*
Звонкие аффрикаты	урал. *poč$_j$ka* 'бедро'	~	с.-х. *pḫd*
	урал. *wič$_j$ʌ* 'видеть'	~	алт. *üǯä-*

И так во всех случаях: когда тонкости классической уральской реконструкции, отличающие её от принятых современных представлений, принимались В.М. Иллич-Свитычем, это происходило не потому, что внешние сравнения в большей или меньшей степени подтверждают их, а потому, что в современной уралистике отсутствует убедительная компаративистская мотивировка для отказа от этих классических результатов.

Конечно, не во всех таких случаях решения В.М. Иллич-Свитыча окончательны. Проблемы аффрикат, латеральных, интервокальных смычных продолжают оставаться крайне сложными, и их решение зависит ещё и от состояния реконструкции сравниваемых праязыков. Однако это означает, что в уральском данная проблематика не может считаться снятой и что остаются возможности решений, альтернативных наиболее часто принимаемой в настоящее время «упрощенной» уральской реконструкции.

Наиболее интересными и перспективными для дальнейших исследований по реконструкции прауральского представляются мне результаты, полученные В.М. Иллич-Свитычем в области уральского вокализма. Исследования в этой области продолжались им до его трагической гибели в августе 1966 г., результаты рассеяны в различных статьях Словаря и крайне лаконичны. Черновики статьи «Долгий *ā* в уральском» и упорядоченные списки сравнений относятся к более раннему времени и не отражают конечных результатов автора, поэтому моя сводка последних является, к сожалению, реконструкцией, и в ней остаются неясности.

Проведя проверку реконструкции уральского вокализма внешним сравнением, В.М. Иллич-Свитыч подтвердил надёжность реконструкции Итконена. Уральская система оказалась наиболее архаичной из всех сравниваемых восточноностратических систем, ср.:

Уральский	Алтайский	Дравидийский	Реконструируемая система
a	a	a	*a
o	o	o/a	*o
u	u	u	*u
ä	ä	a	*ä
e	e	e	*e
i	i	i	*i
ü	ü/ö*	u	*ü

* Раздвоение рефлексов *ü* в алтайском (> *ü/ö*) объяснялось В.М. Иллич-Свитычем как следствие ассимиляторного влияния гласного второго слога.

Эта вокалическая реконструкция относится исключительно к гласным первого слога. Однако внешнее сравнение, в основном урало-алтайское, требовало решения проблемы вокализма второго слога. В алтайском для второго слога основы В.М. Иллич-Свитычем реконструировался тот же набор гласных, который встречался в первом слоге. На поверхностном уровне сравнения он был распределён по ряду гласного первого слога по законам алтайского сингармонизма. Однако работа по алтайской этимологии привела В.М. Иллич-Свитыча к выводу, что строй алтайского праязыка не был изначально сингармоническим, т.е. к реконструкции досингармонического состояния алтайского. Возможность реконструкции такого состояния автор усматривал в наличии в алтайских языках многочисленных сингармонических вариантов, т.е. основ, различающихся исключительно рядностью состава гласных, которые, по его мысли, должны были возникнуть в результате разнонаправленных процессов фонетического выравнивания гласных по ряду в разнорядных основах. В ностратическом словаре имеется несколько таких слов, я в своем Предисловии («Опыт...» Т. I. С. IX) привожу представительную их выборку.

Проблема реконструкции вокализма второго слога основы в уральском специфически трудна. Лишь прибалтийско-финские языки позволяют реконструировать во втором слоге две фонемы: **a* (переднерядный вариант – **ä*) и **ə̣* (переднерядный вариант – **ə*). В остальных же уральских языках второй слог почти полностью утрачен или преобразован. Как показали исследования по истории вокализма первого слога в различных уральских языках, характер утраченного гласного второго слога оказал значительное влияние на рефлексацию гласных первого слога. Однако все исследователи, занимавшиеся историей уральского вокализма до В.М. Иллич-Свитыча, исходили из презумпции наличия во втором слоге в уральском лишь той пары гласных фонем, которая реконструируется на прибалтийско-финском материале. Внешнее же сравнение указало на возможность иного представления, что прибалтийско-финский сохранил лишь незначительные остатки некогда богатого вокализма второго слога, редуцированного и в ряде языковых групп полностью устраненного в ходе самостоятельной истории отдельных уральских языковых групп. О том же свидетельствуют многочисленные нерегулярности в отражении вокализма первого слога, остающиеся даже при учете влияния на него какой-либо из двух реконструированных гласных второго слога, особенно в восточных уральских группах.

Анализ уральских этимологических статей «Опыта сравнения ностратических языков» позволяет утверждать, что В.М. Иллич-Свитыч видел возможности решения проблем уральского исторического вокализма в реконструкции досингармонического состояния прауральского с полным набором гласных вокализма второго слога, тождественным набору гласных вокализма первого слога. На это указывает реконструкция (в дополнение к обычным) основ двух типов:

I. Основы типа *CäCa* и *CeCa*, которые он реконструирует, исходя из наличия в уральском разнорядных вариантов:

1. урал. *säpa-* 'желчь': **sapʌ-* (фин. *sapi*) ~ **säpä-* (саам. *sa̓ppe*, мордов. мокшан. *śäpä*, эрзян. *śepe*);

2. урал. *tälwa-* 'зима': **talwʌ-* (фин. *talvi*) ~ **tälwä-* (саам. *dalve*, мордов. мокшан. *ťală*, эрзян. *ťele*);

3. урал. *äla-*, отрицательный глагол: **ala-* (вепс. *ala-/al-*, лив. *ala-/al-*) ~ **älä-* (фин. *älä-/äl-*, саам. *âle/ale*, мордов. *iľa*);

4. урал. *eśA-* 'жить': **aśʌ-* (фин. *ase-* 'готовить парную баню' ← 'устраиваться', *asu-* 'жить, проживать', фин. *ase-tta* caus. 'ставить, класть', *aseta* 'местоположение', вод. *asę-* в

3.sg. praes. 'оседает, отстаивается (пиво)') ~ *eśʌ- (мордов. мокшан. *ezəm*, эрзян. *ezem* 'место, лавка у стены').

И подобные. Ср. также ряд долготных рефлексов *ā̄* с тем же распределением.

II. Основы типа *CaCo*, которые реконструируются в тех случаях, когда прибалтийскому **a* в первом слоге соответствует **o* в саамском и мордовском:

1. урал. *ato-* 'утро': **atʌ-* (фин. *aatu* 'утро', ст.-фин. *aatut*, вепс. *aatu* 'давно', с вторичной долготой) ~ **ota-* (саам. *oates* 'поношенный, старый', *oabted* 'в старину', мордов. эрзян. *utok* 'давно');

2. урал. *kato-* 'горсть, пригоршня': **kata-* (фин. *kahmalo*, вепс. *kahtol*, лив. *kõmal* 'пригоршня из двух ладоней', *h* вторичен, более древняя форма, вероятно, в фин. диал. *kamalo*, эстон. *kamal*) ~ **koma-* (саам. *goabmer* 'пригоршня', мордов. мокшан. *komər*, эрзян. *komoro* 'полная горсть');

3. урал. *tano-* 'отгадывать, заклинать, говорить': **tana-* (фин. *tanaa-*, эстон. *tana-*, *tõna-* 'заклинать, проклинать') ~ **tona-* (саам. *toanâ-* 'предполагать, отгадывать', вокализм второго слога, по-видимому, вторичен), мордов. мокшан. *tənä-*, эрзян. *tuńa-* 'колдовать, ворожить' из мордов. **tuna-* < **tona-*);

4. урал. *tamto-* 'дуб': **tamtʌ-* (фин. *tammi*, эстон. *tamm* 'дуб') ~ **tomta-* (мордов. *tuto*, марийск. горн. *tum*, лугов. *tumə* 'дуб', перм. **tupu* 'дуб');

5. урал. *tajo-* 'сгибать, складывать, ломать': **tajʌ-* (фин. *tai-*: *taimi* 'кривизна', *taipu* 'сгибаться, наклоняться', *taita* 'ломать') ~ **toja-* (саам. *doaggje-* 'складывать, сгибать');

6. урал. *kamto-* 'крышка': **kamte-* (фин. *kansi* 'крышка, переплет') ~ **komta-* (саам. кольск. *gyõm̆de* 'поверхность', мордов. *kundo* 'крышка').

И подобные. В предисловию к «Опыту...» (С. X – XI) я предложил 14 таких примеров, но их можно представить и больше.

Реконструированное таким образом уральское ауслаутное **-o* соответствовало алт. **-u* и восходило, по мысли В.М. Иллич-Свитыча, к ностратическому *-u*. Однако в одной из последних по времени написания статей (т. II, № 315) В.М. Иллич-Свитыч восстанавливает ностр. *nato* 'свойственница' по урал. *nato* 'сестра мужа или жены' с фин. *nato*, характеризуемым им как «один из редких случаев сохранения урал. **o* в ауслауте». Так как это *o* не отпало и восходило к иному звуку, чем звук, характеризуемый предшествующим рядом соответствий (его иной характер подчеркивается тем, что отпадение этого звука вызывало в дравидийском компенсаторную долготу предшествующего слога, ср.: «Долгота в драв. является, по-видимому, результатом редукции широкого гласного 2-го слога (ср. урал. *-o*)»), следующим шагом автора следовало бы ожидать переинтерпретацию предшествующего ряда соответствий как урал. *-u*, однако сделать это он не успел.

С проблемами вокализма второго слога оказались тесно связанными в работах В.М. Иллич-Свитыча и проблемы уральских количеств. Классическая реконструкция долгих гласных в уральском подверглась в последнее десятилетие интенсивной атаке. Однако следует учитывать наличие качественных рефлексов *ō* и *ē* в различных уральских языках, особенно отчетливых в мордовских, но достаточно хорошо различимых и в пермских. В мордовских **ē* > *ä*, в отличие от **ĕ*, дающего **e* (в нередуцированных *a*-основах оба звука дают *-i-*), **ō* > *a* в *e*-основах и **u/o* в мордовских *a*-основах, причем последние рефлексы распределяются просодически: *u* – в нередуцированных, *o* – в редуцированных основах, тогда как урал. **ŏ* дает в мордовском *-u-* в *a*-основах и *-o-* в *e*-основах, причем последние могут сохранять конечный редуцированный, совпадающий с редуцированным конечным гласным *a*-основ. В пермских урал. **ē* дал **-y-*, по-видимому, лишь в *e*-основах (урал. **ē* в *a*-основе отражается как перм. **ȯ*), но регулярный рефлекс уральского **ĕ* в *e*-основах – перм. **ȯ̆*, а в *a*-основах – перм. **o*; урал. **ō* в *e*-основах дает перм. **ę*, а в основах, которые выступают в мордовском в качестве *a*-основ, дает перм. **-u-*,

совпадающий с *u < урал. *ŏ. Поэтому, пока эти особенности рефлексации не будут убедительно объяснены каким-либо иным способом, классическая реконструкция долгих гласных в уральском остается непоколебленной.

В.М. Иллич-Свитыч в начале работы над уральским вокализмом относился к реконструкции уральских долгот с известной настороженностью, но в дальнейшем принял их реконструкцию, добавив к ней реконструкцию урал. *ǟ, который устанавливался им на основе следующих соответствий: прибалт.-фин. ā ~ в остальных уральских те же рефлексы, что и у уральского *ä:

1. 'переходить вброд': фин. *kaalaa-* ~ саам. *galle* (< **gälä-*), мордов. **kälə*, марийск. *kel-*, перм. **kêl-*, манс. **kǟl-*, хант. *kül-*, южн. *kit-*, венгер. *kel-* (открытый *e*) 'подниматься, восходить';

2. 'гора, лес': фин. *vaara* ~ саам. *varre-* (< **wärä*), манс. **wār/wär* (< **wǟra* ?);

3. 'волосы, пух': фин. *naava-* ~ саам. *njave-* (< **ńäwä-*);

4. 'развилка': фин. *haara-* ~ саам. *sarre-* (< **šärä-*);

5. 'лицо': фин. *naama-* ~ саам. *namme-* (< **nämä-*);

6. 'обычай': фин. *naala-* ~ саам. *nalle-* (< **nälä-*).

Характерной особенностью этой группы является то, что в неё входят исключительно основы на *a* (*ä*). Подавляющее большинство основ с **ē* в первом слоге относится к *e*-основам. Однако имеется одна основа с урал. **ē*, которая является, по-видимому, *ä*-основой:

'сторона, половина': фин. *pieli* (< **pēle-*) ~ саам. *bælle-*, мордов. **pälə*, марийск. *pel, pele*, перм. **pȯl*, манс. **pǟl*, венгер. *fél, fele-*.

По-видимому, это обстоятельство и заставляло В.М. Иллич-Свитыча сохранять реконструкцию **ǟ* и **ē*, а не считать их дополнительно распределенными по типу основы. Уральское состояние рассматривалось им как такое, в котором существовали в виде отдельных фонем *ē* и *ǟ*, но последняя встречалась лишь в *ä*-основах.

К этому как будто приводили и внешние сравнения, а именно: алтайскому **ǟ* (и соответствующему драв. **ā*) соответствуют урал. **ǟ* в *ä*-основах и **ē* в *e*-основах:

Урал. **ǟ*

1. урал. **kǟlä-* 'идти, бродить' : алт. [**kǟlü-*] : драв. *kāl-* (Опыт I, № 161);
2. урал. **ńǟwä-* 'волосы, пух' : драв. **ñä̆v-* или **nä̆v-* (Опыт II, № 322);
3. урал. **wǟrä-* 'гора, лес' : драв. **vä̆r-* (из картотеки).

Урал. **ē*

1. урал. **kēle-* 'язык' : алт. **ḱǟlä-* (Опыт I, № 221);
2. урал. **wēre-* 'край, берег' : драв. *var-* 'сторона, бок, край' (DED 358) (из картотеки).

Таким образом, автор, по-видимому, на основании внешних сближений и внутреннего распределения приходил к выводу, что первоначальный **ǟ* в уральском в *e*-основах перешел в **ē*, но сохранился в *ä*-основах. Как мы увидим в дальнейшем, аналогичные соображения приводили к решению вопроса о первоначальном уральском **-ā-*.

В представленном выше сопоставлении и его интерпретации имеется одна слабая сторона: основания для восстановления урал. **ǟ* совершенно аналогичны тем, на которых строится реконструкция разнорядных слов типа *CäCa*. Если исходить из тождества преобразований, создавших прибалт.-фин. **kāla-*, преобразованиям, создавшим прибалт.-фин. **sapл-*, то и в первом случае следует восстанавливать гласный второго слога основы **-a*. К этому решению, по-видимому, и склонялся В.М. Иллич-Свитыч к концу своей работы.

В наброске незавершенной статьи «Долгий *ā в уральском» В.М. Иллич-Свитыч выдвинул предположение о наличии в уральском наряду с *ō, долгого *ā. Это предположение основывалось на том же ряде соответствий, на основании которого Б. Коллиндер восстанавливал долгое *ō̄. Однако в дальнейшем В.М. Иллич-Свитыч от него отказался, и в словаре «Опыт...» неоднократно подчеркивается, что *-ā- в уральском не было. Имеются, по-видимому, как внутриуральские основания для такого отказа, так и внешнесравнительные. К первым принадлежит проступающее в материале распределение, которое можно интерпретировать как дополнительное. Те основы, которые образуют ряд соответствий, интерпретированный первоначально как отражающий *ā, по показаниям как прибалтийско-финских, так и саамского являются *e*-основами, противоречащие показания отсутствуют. Основы же, в которых В.М. Иллич-Свитыч восстанавливал урал. *ō (при распространении в большинстве случаев *-e* в финском, что характерно вообще для долготных основ) обнаруживают *-a* в саамском, мордовском, марийском и пермском, что заставляет предполагать в них древние *a*-основы; ср.:

Уральский *ō в *e*-основах

значение	фин.	мордов.	марийск.	перм.	манс.	хант.
1. 'жила'	*suone-*	**san*	**šün/sön*	**sęn*	**tę̄n*	**þan*
2. 'стрела'	*nuole-*	**nal*	**nölö*	**ńęl*	**ńęl*	**ńal*
3. 'чешуя'	*suomu*	**śav*	**šüm/šö m*	**śęm*	**sę̄m*	**sam*
4. 'черемуха'	*tuome-*	**lam*	[*lom-bə*]	**lęm*	**lę̄m*	[*lôm :ľăm*]
5. 'шерсть'	*huosia*	—	*čüčeš*	?	**sę̄s-*	**čač-*
6. 'строгать'	*vuole-*	—	—	**vęl*	—	—
7. 'кора'	*kuore-*	**kaŕ*	—	—	—	—
8. 'гора'	*vuore-*	—	—	**vęr*	—	—
9. 'молодой'	*nuore-*	—	*nör-gə*	—	—	—
10.'путь, ряд'	*juone-*	**jan*	*jön*	—	—	—

Уральский *ō в *a*-основах (?)

значение	фин.	мордов.	марийск.	перм.	манс.	хант.
1. 'кишка'	*suole-*	**śułə*	*šolo*	**śul*	—	**sôl*
2. 'лизать'	*nuole-*	**nola*	*nula*	**ńula-*	*ńal-ant*	**ńôl-/ńăl*
3. 'умирать'	*kuole-*	**kulə-*	*kola-*	**kulʌ-*	*kāl*	**kôl-/kăl*
4. 'ягода'	*puola*	—	—	**pul*	[**pul*]	—
5. 'сторона, половина'	*puole-*	**pola*	—	—	—	—
6. 'морда, лоб'	*kuono*	**końa*	—	—	—	—
7. 'шест, стропило'	*vuole-*	—	—	[**yl-*]	[**wŭla*]	**wôl*

С другой стороны, внешнее сравнение указывало на то, что доуральский *ā перешел в урал. *ō. По-видимому, свидетельство этому содержится в следующих шести примерах, отмечаемых в списке с осложнениями рефлексации вокализма:

1. урал. **kōre* 'кора' : алт. **Kāŕ(ʌ)* 'кора';
2. урал. **nōra* 'веревка' : драв. **nār* 'волокно';
3. урал. **tōye* 'давать' : алт. **tā-* 'давать, получать', драв. **tā* 'дать';
4. урал. **sōla* 'отделяться от стада' : алт. **sǎlu* 'отделяться';
5. урал. **sōja* 'помещение, укрытие' : алт. **ǯaj(ʌ)* 'свободное место';

6. урал. *ńōre- 'молодой' : алт. *ńār- 'молодой, новый', драв. *ñāṛ 'молодой побег'.

Таким образом, как, надеюсь, видно из выше изложенного, обработка В.М. Иллич-Свитычем уральского материала, вводимого им в сравнительную грамматику ностратических языков, представляла собой многостороннее научное исследование, в ходе которого были сделаны глубокие наблюдения и намечены пути разрешения важнейших проблем уралистики. Отмечу также одну частную проблему: проблему венгерских долгот, позиций их появления, решение которой я обнаружил в черновиках в виде списка основ с долготой и без таковой, расположенных по финским и саамским основам, и библиографической карточки со схемой, опубликованной мною на с. XXXIII предисловия к «Опыту...» (к сожалению, с опечаткой: в форме *wet над *e* должен стоять знак долготы – *wēt). В дальнейшем это наблюдение В.М. Иллич-Свитыча было детально разработано и уточнено в работе Е.А. Хелимского.

Своей обработкой уральского материала В.М. Иллич-Свитыч блестяще продемонстрировал тезис, приведенный мною в начале статьи.

В отличие от уралистики, в дравидологии обработка материала, поизведенная В.М. Иллич-Свитычем, затронула по преимуществу проблемы консонантизма. Большинство новых положений в этой области, введенных им, касается предыстории ряда дравидийских фонем. Так им было показано, что два драв. *r* (*r* и *ṛ*) являются результатом фонологизации первоначальных аллофонов, распределённых по характеру (ряду) конечного гласного ностратических основ:

Драв. *r*

1. драв. *par-* 'большой' : алт. [*bara* 'много'], урал. *para* 'хороший';
2. драв. *kar(a)* 'шип, острие' : алт. *gara* 'острие, ветка, хвойное дерево', урал. *kara* 'шип, ветка, хвайное дерево';
3. драв. *kor-/kur-* 'журавль' : алт. [*kara/kura* 'журавль'];
4. драв. *kar(a)* 'берег, край' : алт. *kira* 'край, предел, горный гребень';
5. драв. *ñarʌ* 'огонь, пылать' : алт. [*naRa-* 'солнце'];
6. драв. *kūr-* 'антилопа, олень' : алт. [*gūra* 'самец антилопы'];
7. драв. *murʌ-* (при варианте *muṛʌ-*) 'ломать, разбивать' : урал. *mura/mora* 'хрупкий, ломкий';
8. драв. *ēr-/eri* 'сиять, пылать' : алт. *jaru-* 'светить, сиять';
9. драв. *ūr-* 'таять, плавиться' : алт. *ūRu* 'течь'.

Драв. *ṛ*

1. драв. *iṛ(a)-/eṛ-* 'ломаться' : урал. *erä* 'разваливаться, часть, доля', алт. [*ärü-* 'распадаться, растворяться, таять'];
2. драв. *ēṛ-* 'самец' : алт. *ērä* 'самец';
3. драв. *ēṛ-* 'подниматься' : алт. *urä* (*örä* ~ *or/a/*) 'подниматься, восходить';
4. драв. *kaṛ* (варианты: *kār/kāṛ*) 'черный' : алт. *Karä* 'черный';
5. драв. *māṛ* (вариант *māṛ*) 'детеныш мужского пола' : алт. [*miarä-* 'выходить замуж'];
6. драв. *muṛʌ* 'скручивать, вращать' (депалатализованный вариант: *muri-*) : алт.: монг. *muri-*, тунг. *möri-* 'поворачивать, крутить';
7. драв. *peṛ-* 'подбирать, собирать' : алт. *bari-* 'брать в руки';
8. драв. *neṛṛi-* 'лоб, перёд' : урал. *nēre-* 'перёд головы'.

Аналогичным нетривиальным результатом внешнего сравнения явилось объяснение ряда количественных отклонений в вокализме первого слога от ожидаемых как компенсаторных удлинений вследствие редукции конечного гласного, например:

драв. *ĩr-/ĩr-* 'тащить, волочить' (при алт. *iŕa*), и под. (в «Опыте» т. I – II таких сопоставлений семь) при том, что в случае ожидаемого узкого гласного удлинения не наблюдается.

В других случаях внешнее сравнение вынудило В.М. Иллич-Свитыча внести изменение в дравидийскую реконструкцию. Так оказалось, что внешние соответствия в области сибилянтов, выделяющие ряд, реконструируемый им как латеральный, совпали с классом морфем с драв. *c-/-cc-*, дающих в севернодравидийских и брагуи рефлекс *k-*, что заставило отказаться от представления о вторичности и позиционности или спорадичности этого рефлекса и реконструировать особую дравидийскую фонему c_l. На подобных же основаниях была предложена реконструкция драв. p_l (*p-* слабое, рефлексы характеризуются наличием вариантности: *p-* ~ *v-*).

Во всех таких случаях, как мы видим, внешние соответствия побуждали к проверке отброшенных или пропущенных в ходе внутреннего для дочерней семьи сравнения альтернатив и к восстановлению строгости компаративистской процедуры.

Дравидийские языки вошли в сферу ностратических исследований В.М. Иллич-Свитыча относительно поздно (позднее остальных групп), этим объясняется то, что мы сейчас обнаруживаем много неучтенных В.М. Иллич-Свитычем дравидийских параллелей даже в DED'е первого издания. С другой стороны, новые поступления дравидийского материала, особенно из центрально-дравидийских языков, в значительном количестве случаев подтвердили общедравидийский характер дравидийских параллелей В.М. Иллич-Свитыча, предложенных им на основе одной из групп. Примером может служить 160-е сближение (**käjwʌ* 'жевать'), в которое в настоящее время с полным правом должна входить и дравидийская морфема, введенная В.М. Иллич-Свитычем на основе лишь известного тогда южнодравидийского материала.

Как я постарался здесь показать, исследования В.М. Иллич-Свитыча по отдаленному родству языков не строились на голом сближении реконструированных сравнительными грамматиками праформ и тем более на сближении отдельных лексем, почерпнутых из словарей, как это пытаются иногда утверждать его критики. Его работа отличалась исключительным вниманием ко всей полноте содержания частных компаративистик и той строгостью метода, которой часто недостает многим его критикам.

И ещё один вывод, который напрашивается при изучении работ В.М. Иллич-Свитыча по ностратике, – это тот, что лишь обеспечение сугубой строгости, точности метода и всесторонности охвата фактов может обеспечить исследованиям отдаленного родства действительный успех.

С того момента, как исследование В.М. Иллич-Свитыча было трагически прервано, прошло более 30 лет. За эти годы были достигнуты значительные успехи в сравнительно-историческом изучении почти всех ностратических семей.

Уральское языкознание пополнилось рядом этимологических исследований, охвативших фактически все подгруппы семьи. Появилась системная реконструкция прасамодийского. Предложены новые решения в области обско-угорского вокализма, структуры уральского корня и морфологической системы праязыка.

В дравидийском языкознании сразу же за выпуском дравидийского этимологического словаря, которым ещё смог воспользоваться В.М. Иллич-Свитыч, вышел том дополнений. Полевые работы по дравидийскому языкознанию выявили несколько новых центрально-дравидийских языков, материал которых составляет теперь основу этимологических работ. К настоящему времени относительно полному и всестороннему исследованию подверглись почти все части систем дравидийских языков.

В области алтайского языкознания выделяется многолетняя работа российских специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам (двухтомный сравнительный словарь этих

языков, содержащий колоссальные материалы для этимологических работ). Выпущены и продолжают выпускаться тюркские этимологические словари. Доказана принадлежность к алтайской семье японского и корейского языков. Установлен ряд нетривиальных соответствий между алтайскими языками, что вывело этимологическую работу в области алтайского языкознания на качественно более высокий уровень. В настоящее время составляется большой алтайский этимологический словарь.

Заметно возросли работы по афразийскому языкознанию. Наряду с публикациями результатов многочисленных полевых исследований ведётся работа по изучению сравнительно-исторической фонетики отдельных афразийских языковых групп. Изданы три выпуска сравнительно-исторического словаря афразийских языков (под руководством И.М. Дьяконова). Вышел из печати «Хамито-семитский этимологический словарь», составленный В.Э. Орлом и О.В. Столбовой, по ряду важных решений отличающийся от словаря группы И.М. Дьяконова. Работа над этими словарями сопровождалась существенным пересмотром многих положений сравнительно-исторической фонетики этой семьи.

В области картвельского языкознания важным событием явилось издание нового этимологического словаря картвельских языков ([9]). В настоящее время готовится новое значительно расширенное издание этимологического словаря Г.А. Климова. Сейчас, после публикации обширных исторического и диалектологического грузинских словарей, дальнейший прогресс картвельской этимологии в значительной степени зависит от поступления новых материалов по занской и сванской лексикографии.

Эти годы не прошли бесследно и для индоевропейского языкознания.

Однако все эти исследования в области отдельных языковых семей, многие из которых были собственно стимулированы ностратической теорией или в той или иной степени отталкивались от результатов, полученных В.М. Иллич-Свитычем, отнюдь не поставили её под сомнение. Можно утверждать, что ностратическая теория прошла проверку, продемонстрировав правомерность своего существования и способность описывать и объяснять новые (неизвестные ещё В.М. Иллич-Свитычу) факты языков-потомков. Тем самым ещё раз была подтверждена надёжность и действенность сравнительно-исторического метода в языкознании и отвергнуто представление о том, что этот метод имеет хронологические ограничения и не может применяться при изучении древнейших языковых связей.

Сама проблематика отдалённого родства в настоящее время значительно расширилась, так как удалось получить строгое доказательство существования ещё одной макросемьи – синокавказской. Опубликованы эимологический словарь северокавказских языков (С.Л.Николаев, С.А.Старостин) и этимологический словарь синотибетских языков (И.И.Пейрос, С.А.Старостин). Большие успехи достигнуты в изучении истории не-ностратических языков Сибири — совсем недавно появился из печати этимологический словарь чукотско-камчатских языков (О.А.Мудрак). Отсюда новые возможности уточнения границ ностратической языковой общности. Общее количество макросемей, по которым делятся языки мира сейчас оценивается порядком десятка. Родство макросемей – проблема будущего[3].

---

[3] Что касается современного состояния ностратической проблемы, см. подробную библиографию И. Хегедюш, а также статьи в 1-м томе "Московского лингвистического журнала" (М., РГГУ, 1995).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hanusz J.* Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen // AfslPh. 1883. Bd. 8.

2. *Иллич-Свитыч В.М.* Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. //Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., 1964. С. 22-26. Подробный обзор относящегося к этой проблеме материала, введенного В.М. Иллич-Свитычем, см.: *Дыбо В.А.* Ностратическая гипотеза (Итоги и проблемы). //Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXVII, вып. 5. М., 1978. С. 400-413; дальнейшее обсуждение этой проблемы см.: *Долгопольский А.Б.* Судьба ностратических гласных в индоевропейском языке. //МЛЖ, 1995, №1. С. 14-15; *Manaster Ramer A.* On indo-european triune velars and nostratic front rounded vowels. //МЛЖ, 1995, №1. С. 41-50.

3. *Collinder Björn.* Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. //Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. Nova series, 1:4. Uppsala, 1965, S.172.

4. *Gombocz Z.* Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen // Keleti szemle, 1912-1913, XIII.

5. *Poppe N.* Altaisch und Urtürkisch. //UJb, 1926, 6, S. 100-101.

6. *Trombetti A.* Elementi di glottologia. Bologna, 1923. P. 390.

7. *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ.* // ВЯ, 1963, № 6.

8. *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские гуттуральные **k', *k, *g.* // Этимология. М., 1964.

9. *Фенрих Г., Сарджвеладзе З.А.* Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси, 1990 [на груз. яз.].